

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

**ТАЙНА СТАРОГО
САМВОЯЖА**

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.
С91 Тайна старого саквояжа / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Записки придворного сыщика).

ISBN 978-5-04-214810-1

У графа Виельгорского пропал главный управляющий господин Попов. Уехал собирать деньги с имений и не вернулся. Свидетели утверждают, что видели Попова, когда тот переплывал в лодке на другой берег, в сторону железнодорожной станции. В руках у него был саквояж с деньгами. Однако на станции управляющий так и не появился. Расследование дела поручено судебному следователю Ивану Воловцову. Он решает присмотреться к одному из подозреваемых, в доме которого, похоже, была борьба. Но подтверждения этой версии нет. Воловцов уже готов был согласиться, что исчезновение управляющего — несчастный случай, но внезапно его внимание привлекает одно очень странное обстоятельство...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214810-1

© Сухов Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

Как камердинер Филимоныч графа Виельгорского будил, или Исчезновение главноуправляющего имениями Попова

Конец мая 1896 года

Граф Виктор Модестович Виельгорский не терпел рано вставать. Всякий раз приход утра воспринимался им как досадное недоразумение: ведь так хорошо было спать, нежась в мягкой постели, и видеть цветные сны, и тут — на тебе! — через плотные ткани портьер тусклым светом пробивается новый день, обещавший многочисленные заботы и треволнения. Уже проснувшись, Виктор Модестович долго лежал с закрытыми глазами, удерживая себя в приятной сладкой дреме, покудова не заходил в его спальню камердинер Филимоныч и не начинал, ворча что-то себе под нос, раздвигать бордовые бархатные шторы, пропуская в графскую спальню солнечный свет. Виктор Модестович морщился, приоткрывал один глаз и почти с ненавистью смотрел в согбенную спину старого камерди-

нера. Так было всегда, так было и сегодня. Наконец, граф открыл оба глаза и с явной укоризной в голосе посетовал Филимонычу:

— Ну, что ты так рано, старик? Еще только рассвело...

— Ка-а-абы, только рассвело, — не оборачиваясь и продолжая заниматься шторами, ворчливо ответил камердинер. — Уж полдень скоро, барин, а вы все поживать изволите. А дела стоят не деланы.

— Какие дела, Филимоныч? — зевая, спросил Виельгорский.

— Разные, барские, — повернулся к нему камердинер. — К примеру, главноуправляющий вашими имениями господин Попов недели три как должен был уже вернуться, а его и посейчас нетути. А равно как и денежек с ваших имений. А ну как он не приедет во все — на что жить-то станете?

— Что значит «не приедет вовсе»? — озадаченно спросил Виктор Модестович и приподнялся на локтях. — Ты на что намекаешь, старик?

— Ни на что я не намекаю, ваше сиятельство, — ответил камердинер, подходя к постели графа. — А только сказываю, что главноуправляющего вашего нет, а он должен был заявиться уже недели как три. — Филимоныч уперся выцветшими глазами прямо в глаза своему барину. — Вот где он может быть?

— Ну, не знаю... На ярмарке, возможно, — неуверенно произнес Виельгорский, признавая в душе, что Филимоныч прав. Но показать ему это значило проявить слабость. Он и так в последнее время верховодит в доме, будто он в нем самый главный...

— А на какой ярманке? — не унимался старый камердинер.

— В Нижнем или даже Берлине...

— Это с такими деньжищами он станет по ярманкам таскаться? Да еще заграничным... Этот Попов что, полоумный? — задал резонный вопрос Филимоныч.

— Не смей так говорить о дворянине! — нахмурил брови граф. — Ишь, волю взяли...

— Мы воли не брали, барин, — быстро парировал замечание Виельгорского старик. — И не просили даже. Нам ее государь император Александр Николаевич высочайше пожаловали...

Виктор Модестович промолчал. Спорить с камердинером было бесполезно: есть такая порода людей, с которыми в спор лучше не вступать. Им хоть кол на голове теши, а своего мнения они не изменят. Филимоныч относился именно к таким людям.

— Хоть даже на ярманку, — буркнул скорее про себя камердинер и снова посмотрел в глаза графу: — А вы его рази на ярманки какие посылали? А?

— Нет, не посылал, — вынужден был признаться граф. — И что ты от меня хочешь? — уже устало спросил Виктор Модестович, усаживаясь на край постели.

— Чтобы вы сходили к обер-полицмейстеру, — ответил Филимоныч. — И объяснили ему: дескать, человек пропал с большими деньгами. Пусть разыскивают. Они за это жалованье получают.

— А если я сегодня заявлю, а назавтра он объявится? Что тогда? — теперь уже граф посмотрел на камердинера в упор, что, впрочем, не возымело на старика никакого воздействия.

— Заявится, и слава богу, — спокойно ответил Филимоныч. — Скажете, мол, поторопились. Извинения принесете за беспокойство. Делов-то... А Попова опосля накажете...

В словах старика, конечно, был резон. Действительно, Илья Яковлевич Попов давно уже должен был вернуться из своей ревизионной поездки по имениям графа, собрав доходы и предоставив ему отчет. А от него не было ни слуху ни духу, равно как и его самого. Такого никогда еще не случалось за все семь лет, как Попов стал главноуправляющим всеми шестью имениями графа Виельгорского.

Загулял?

На него такое не похоже. Попов в пристрастии к горячительным напиткам замечен

не был. Дамы? К женскому полу относился более чем сдержанно, поскольку когда-то сильно был ими обижен. Лет двенадцать тому назад он влюбился в одну барышню по фамилии Шибуньская, и та, говорят, тоже была к нему равнодушна. Дело дошло даже до помолвки, и вот когда до венчания оставалось меньше месяца, эта Шибуньская изменила ему с каким-то пройдохой-ротмистром, чему Попов был почти свидетель.

Заявившись к девице с букетом белых роз за два часа до назначенного свидания, он застал парочку совершенно раздетыми у нее в спальне в тот самый момент, когда соитие их завершилось бурными криками и стонами с ее стороны и рычанием — с его.

— Илюша, ты? — только и смогла сказать Шибуньская, увидев жениха в проеме дверей, и зарыла лицо в подушки, покамест ротмистр одевался и приводил себя в порядок.

Попов не стал вызывать ротмистра на дуэль. Ведь, по сути, виноват был не он, а Шибуньская, которая попраля и помолвку, а вместе с ней честь господина Попова и его любовь к ней. «Сучка не захочет — кобель не вскочит». Такая поговорка как нельзя лучше отражала всю ситуацию, произошедшую с Шибуньской и ротмистром. Вследствие этого, не дождавшись, покуда ротмистр оденется и покинет апартаменты Шибуньской, Илья

Яковлевич молча снял обручальное кольцо и бросил его на столик у кровати. Услышав звук падающего металла и, догадавшись, что произошло, Шибуньская отняла лицо от подушек и с мольбой посмотрела на Попова:

— Илюша, ты все превратно понял... Мы только... Не уходи, прошу тебя... Илюша...

Женщина театрально простерла к нему руки, но Илья Яковлевич, развернувшись на каблуках, вышел из спальни, которая заполнилась рыданиями. Но они его уже мало трогали. С тех пор Попов с недоверием относился к дамам и не сходил ни с одной, хотя среди них встречались девушки достойные и могли составить ему пару. Как говорится, обжегшись на молоке, дуешь и на воду...

А может, Попов проиграл деньги в банк или штос и теперь боится показываться графу на глаза? Тоже маловероятно, поскольку Попов влечения к картам и вообще к азартным играм не имел и весьма ответственно относился к деньгам, как чужим, так и личным.

Случилось несчастье? А вот это вполне могло произойти. И камердинер, по сути, был прав, когда сказал ему, что надо обратиться в полицию. Только вот какое имеет право он, мужик, указывать, как поступать ему, графу Виельгорскому, предки которого несли дворянские службы в Царстве Польском и вла-

дели именьями на Волыни еще в середине четырнадцатого века?

— Ну что, барин, одеваться будем? — прервал мысли Виктора Модестовича Филимоныч. — Или, может, до заката будете мечтать?

Граф хмуро посмотрел на своего камердинера и ответил:

— Ступай, сам оденусь.

И принялся за свой туалет...

ГЛАВА 2

**Виноватых без вины не бывает,
или Порядочные люди не умеют
просить за себя**

Конец мая 1896 года

Тучи над головой обер-полицмейстера Власовского продолжали неумолимо сгущаться. Мало того, что трагедию на Ходынке после коронации новоиспеченного государя императора Николая Александровича повесили почему-то на него, так еще газетчики пронюхали, что погибли вовсе не тысяча триста семьдесят девять человек, а более четырех тысяч. А ведь задавленных на Ходынском поле, мертвых и раненых, везли не по Петербургскому шоссе, а кругом, через Хорошево, чтоб от глаз иностранцев и репортеров-газетчиков

подальше. Так распорядился его высочество Сергей Александрович...

Пронюхали все-таки шелкоперы! И пошла статья за статьей, где его поносили все кому не лень. Дескать, главный виновник трагедии он, московский обер-полицмейстер Власовский. Теперь ему точно не сносить головы. И заступничество вдовствующей матушки императрицы не поможет, которая всегда относилась к нему благосклонно. А не он ли предупреждал великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора московского, о возможности такого исхода?

— Ведь затопчут они друг друга, ежели им разрешить такие гуляния, да еще с дармовым угощением, — говорил Александр Александрович его высочеству, — поскольку народ наш на дармовщинку крепко падок, ломиться начнет, а на поле рвы да волчьи ямы не засыпаны.

— Так засыпьте, — спокойно отвечал великий князь.

— Какими силами, ваше высочество? Дайте хоть солдат парочку рот.

— Солдаты нужны для парадов, — отрезал Сергей Александрович. — Обходитесь своими силами.

А какими прикажете силами? Теми, что остались в его распоряжении? Архивариусы да бумагоперекладыватели? Три десятка

полицейских чинов, которые и лопаты-то в руках никогда не держали? Ведь весь огромный штат московских полицейских, самых деятельных и могущих, был задействован по охране мест проезда и проживания иностранцев и прочих высокопоставленных гостей Москвы, которых было не счесть, по устному распоряжению самого Сергея Александровича. И как же он, Власовский, мог пренебречь распоряжением своего непосредственного начальника?

Восемнадцатого мая, по первому солнцу, едва глотнув кофею и не обещая супруге явиться ни к завтраку, ни к обеду, обер-полицмейстер отправился на Ходынское поле. Болела душа, ломило сердце, предчувствуя беду. И она случилась... К Ходынке можно было прорваться только через волостное село Всехсвятское Московского уезда. То, что он увидел, сразу сообщило о масштабах катастрофы. Вопли, стоны и проклятия слышались отовсюду и сливались в один протяжный гул, от которого забегали по коже мурашки. И всюду была пыль. Она стояла столбом от тысяч и тысяч бегущих ног. Казачий кордон был с легкостью смят и затоптан. Власовский переглянулся со своим помощником Рудневым и увидел в его глазах ужас.

— Вот что, — обратился к своему помощнику Власовский. — Вы попробуйте осадить

толпу и позаботьтесь о раненых. Пошлите кого-нибудь объявить тревогу в пожарные команды. Пусть мчатся сюда с обозами и везут раненых в больницы. А трупы в морги, — добавил Власовский. — Я мчусь к губернатору. Буду просить помощь.

...Адъютант ни в какую не желал будить великого князя. Наконец, часу в восьмом градоначальник пробудился и вышел, пахнув на Власовского таким похмельным амбре, что обер-полицмейстеру стало дурно.

После нескольких минут препирательств с августейшим градоначальником Власовскому удалось все же выпросить у него три роты солдат. Правда, нестроевых. Но было уже поздно...

Несмотря на то, что афиши о народном гулянии на Ходынском поле и бесплатной выдаче подарков в честь коронации государя императора Николая Второго были расклеены по городу только 17 мая, уже 16 мая народ из Москвы и ее пригородов стал стекаться на Ходынку и «занимать места» поближе к выстроенным ста пятидесяти буфетам. В пять часов пополудни 16 мая комендант Ходынского лагеря капитан Львович, имеющий в своем распоряжении до полусотни солдат-караульных и дюжину казаков, опасаясь столь мощного наплыва народа, телеграфировал в распорядительное отделение канцелярии обер-полиц-

мейстера о скоплении народа на Ходынском поле и просил прислать «для поддержания должного порядка» три десятка казаков и несколько околоточных надзирателей. Власовскому о просьбе капитана Львовича доложили, но где ему было взять казаков? Александр Александрович немедленно снесся с генерал-губернатором и получил отказ. «Людей нет, все задействованы на празднествах», — таков был ответ Сергея Александровича.

Люди гуляли, пели песни, веселились; звуки гармоники раздавались то тут, то там. Многие пришли с семьями, детьми в расчете получить побольше подарков.

К десяти вечера 16-го числа скопление людей стало принимать угрожающие размеры, а к полуночи, по сведениям капитана Львовича, толпу людей можно было считать уже десятками тысяч. К утру 17 мая на Ходынском поле собралось уже несколько сотен тысяч человек. А народ между тем продолжал прибывать. Несколько урядников и квартальных надзирателей, откомандированных в распоряжение лагерного коменданта Львовича, конечно, с такой ситуацией не справлялись.

Несколько раз Власовскому телефонировал по поручению министра императорского Двора кремлевский полицмейстер подполковник Солини. Прибывший вечером 17 мая на Ходынское поле, Казимир Иванович ужас-

нулся людскому столпотворению и телефони́ровал министру Двора графу Воронцову-Дашкову, что четырехсот тысяч подарков, приготовленных к выдаче москвичам по случаю коронации государя императора Николая Александровича, может не хватить. Министр распорядился учредить казачьи кордоны, дабы закрыть доступ на Ходынское поле, о чем полицмейстер Солини и телефони́ровал обер-полицмейстеру.

— И где я найду вам казаков? — едва не заорал на подполковника Солини Александр Александрович, однако же поспешил в театр, где находился в это время великий князь и по совместительству московский генерал-губернатор, не без труда проник в его ложу и выпросил-таки сотню казаков для оцепления Ходынки.

Эта сотня казаков была прислана вместе с полицмейстером полковником бароном Будбергом и чиновником особых поручений подполковником Померанцевым в распоряжение капитана Львовича. Передав казаков коменданту Ходынки, Андрей Романович Будберг и подполковник Померанцев преспокойно отъехали в Москву почивать.

Казачи с народом не справились. Тогда лагерный комендант Львович по личному почину вызвал для охранения буфетов и поддержания порядка на поле сначала роту Са-

могитского полка, а затем еще и батальон Московского полка. Но «внедриться» в толпу народа солдаты не смогли: люди были столь спрессованы, что некоторые шустряки, дабы пробраться к буфетам поближе, вскарабкивались на плечи друг друга и уже по головам стоящих сплошной массой людей добирались до проходов к буфетам.

От дыхания такого количества людей над полем повисло облако, для многих кажущееся зловещим. Из толпы стали выбрасывать первые трупы мужчин и женщин, задавленных насмерть. На линейках они отвозились в больницы или морги, но это были лишь «цветочки». «Ягодки» начались позже, когда количество людей на поле достигло полумиллиона человек и стало ясно, что на всех подарков не хватит...

— Надлежит немедленно начать раздачу угощений, иначе они все снесут! — орал в телефонную мембрану капитан Львович, уже доведенный до белого каления.

— Я не могу отдать такого распоряжения! — заорал в ответ Александр Александрович. — Есть приказ начать раздачу подарков в десять утра. Снесите с начальником «Особого установления» его превосходительством Бером! Он там всем командует.

Действительный статский советник Бер, каковому Министерством Императорского

Двора было поручено устройство народного праздника, прибыл на Ходынское поле в пять утра. Когда он обходил буфеты и на его глазах толпа выкинула в один из межбуфетных проходов труп раздавленного мужика с выпученными глазами и вывалившимся языком, он, перекрестившись, разрешил начать выдачу подарков и угощений.

Вот тут-то и началось то, что увидели обер-полицмейстер Власовский с помощником Рудневым, когда приехали по первому солнышку на Ходынское поле...

И вот он под следствием. И с ним производит дознание судебный следователь по важнейшим делам, статский советник Кейзер. А коли заварилось следствие и дознание, стало быть, возможен и суд, и уж точно увольнение с должности, так и не дождавшись генерал-майорского чина.

А не он ли, полковник Власовский, как только вступил в должность московского обер-полицмейстера в 1891 году, водворил в Москве порядок, которого никогда не было даже при генерале Козлове в бытность его обер-полицмейстером?

Не он ли искоренил царящее в полиции кумовство и взяточничество? Выгнав из полицейских частей и участков Москвы ко псам нечистых на руку приставов и квартальных надзирателей и набрав новых, строжайше за-

претив брать, под угрозой уголовного наказания, даже подношения в виде штофа водки или куска пирога.

Не он ли, полковник Власовский, заставил домовладельцев под страхом бьющего по карману штрафа и ареста на срок от одного до трех месяцев вычистить наконец выгребные и помойные ямы, сделав Москву в буквальном смысле слова чище?

Не он ли отрегулировал извозчицье движение по Москве, обязав кучеров держаться правой стороны и не слезать с козел во время остановок? Не он разве выставил городских на перекрестки, с тем чтобы следили и регулировали уличное движение, оторвав их от разлюбезных бесед с кухарками и прочей домовой прислугой?

Не он разве, предприняв невероятные усилия и дойдя до самого генерал-губернатора, обновил и модернизирован пожарный парк, на что вовсе не обращал никакого внимания прежний обер-полицмейстер Козлов? Э-эх!

Естественно, не всем нравились его нововведения. Крутые и энергичные действия Сан Саныча заставили говорить о нем всю Москву, а кое-кто просто спал и видел, как его выпроваживают с должности. Ну вот — пожалте — дождались. Радуйтесь теперь, злыд-

ни. Теперь он единственный виноватый в произошедшей трагедии на Ходынском поле.

Александр Александрович поднял взор на судебного следователя:

— Я что, единственно виноватый в ходынской трагедии?

— Действия членов «Особого установления» действительного статского советника Бера, гражданского инженера, архитектора Николая, чиновника особых поручений «Особого установления» полковника Иванова и титулярного советника Петрова тоже находятся в сфере нашего внимания, — вполне дружелюбно ответил Кейзер. — Но речь в данный момент идет конкретно о вашем участии или неучастии в этом деле, господин обер-полицмейстер. И этот вопрос крайне важный в определении вашей вины в столь ужасной трагедии.

— Так, стало быть, не я один виновен в том... что произошло? — посмотрел на судебного следователя Власовский.

— Не вы один, — признал Кейзер.

— Это радует, — констатировал Александр Александрович. — Но всех собак вы все же повесите на меня, так? — Власовский с прищуром посмотрел на следователя и добавил: — Как же: обер-полицмейстер отвечает за все! Вот уж иные многие возрадуются! Нет, возликуют! Особенно нерадивые владельцы